

Еще о драмѣ въ жизни писателя.

татья г. Голомбѣвскаго „Драма изъ жизни писателя“ (А. Сухово-Кобылинъ и французженка Симонъ) въ № 2 „Русскаго архива“ за 1910 годъ читается съ большимъ интересомъ ¹⁾).

Со времени этого трагическаго происшествія прошло болѣе 60 лѣтъ, всѣ непосредственные его участники и свидѣтели давно сошли въ могилы и унесли тайну съ собой. Тщетно было бы пытаться въ настоящее время воскрешать истину, ея и не добились въ свое время и всѣ инстанціи тогдашняго судилища, по ступенямъ котораго отъ нижней до верхней дѣло восходило дважды, и безъ всякаго результата.

¹⁾ Сущность излагаемаго ниже процесса заключается вкратцѣ въ слѣдующемъ: 9 ноября 1850 года въ Москвѣ за Прѣсенской заставой было найдено тѣло убитой молодой женщины съ перерѣзаннымъ горломъ и съ тремя переломленными ребрами въ лѣвомъ боку. На трупѣ были одежда, серьги и кольцо, но шубы и салопа не было.

Убитая оказалась французженкой Луизой Ивановной Симонъ-Деманшъ, жившей на содержаніи у отставнаго титулярнаго совѣтника А. В. Сухово-Кобылина. У покойной были въ услуженіи крѣпостные Сухово-Кобылина: кучеръ Галактіонъ Козьминъ, дворовыя дѣвки—Аграфена Иванова, Пелагея Алексѣева и поваръ Ефимъ Егоровъ. Убитая была права вспыльчиваго и бивала прислугу; Сухово-Кобылинъ, по наговорамъ Симонъ-Деманшъ, грозилъ прислугѣ розгами, отдавалъ московскихъ своихъ горничныхъ замужъ за мужиковъ въ деревню и билъ прислугу.

По подозрѣнію въ убійствѣ были арестованы крѣпостные Сухово-Кобылина, жившіе у Симонъ-Деманшъ, а затѣмъ и самъ Сухово-Кобылинъ ввиду обнаруженныхъ кровавыхъ пятенъ на его квартирѣ. Черезъ четыре дня Сухово-Кобылинъ былъ освобожденъ, такъ какъ поваръ Ефимъ Егоровъ

Я въ настоящей замѣткѣ и не пытаюсь проливать какой-либо свѣтъ на это дѣло, но полагаю, что дополнить интересную статью г. Голомбѣвскаго нѣсколькими лишними штрихами будетъ, можетъ быть, не безынтересно.

Я познакомился съ покойнымъ А. В. Сухово-Кобылинымъ въ качествѣ его ближайшаго сосѣда по имѣнію Тульской губ., Чернскаго уѣзда, въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и затѣмъ до

сознался въ убійствѣ Симонъ-Деманшъ на ея квартирѣ при содѣйствіи Козьмина, Ивановой и Алексѣевой, а затѣмъ въ отвозѣ тѣла за заставу.

13 сентября 1851 г. состоялось рѣшеніе московскаго надворнаго суда, который обвинилъ всѣхъ четырехъ прислугъ, жившихъ у Симонъ Деманшъ, въ убійствѣ послѣдней. Ввиду разногласія между членами суда относительно мѣры наказанія для обвиняемыхъ, дѣло перешло на разсмотрѣніе въ московскую уголовную палату, которая большинствомъ голосовъ измѣнила наказаніе обвиняемымъ. Московскій генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, представилъ приговоръ въ Сенатъ ввиду того, что приговоръ уголовной палаты не былъ единогласнымъ.

Вскорѣ всѣ осужденные отреклись отъ своихъ показаній и заявили, что они дали ложныя показанія, себя оклеветали, и въ убійствѣ они невиновны, при чемъ Козьминъ утверждалъ, что онъ былъ оболъщенъ приставомъ Хотимскимъ, который будто-бы по собственному письму Сухово-Кобылина убѣждалъ его взять на себя участіе въ убійствѣ за деньги и отпускъ, а Ефимъ Егоровъ далъ показаніе, что оговорилъ себя во всемъ, не стерпѣвъ безчеловѣчныхъ побоевъ пристава Стерлигова при допросѣ.

Дѣло перешло въ 6-й Московскій Департаментъ Правительствующаго Сената, гдѣ также единогласія не было, затѣмъ препровождено министру юстиціи, при чемъ министръ юстиціи предложилъ учредить новую слѣдственную комиссію и вновь разобрать все дѣло, но и это предложеніе не встрѣтило единогласія сенаторовъ и все производство направлено въ Государственный Совѣтъ.

17 декабря 1853 г. общее собраніе Государственнаго Совѣта рѣшило назначить новую комиссію для переислѣдованія и для судебнаго разсмотрѣнія во всѣхъ инстанціяхъ. Въ началѣ 1854 года новая комиссія энергично повела дѣло, и Сухово-Кобылинъ съ половины мая до начала ноября былъ подъ арестомъ, а потомъ вышущенъ на поруки своей матери. Дѣло опять прошло всѣ инстанціи, и 25 октября уже 1857 года состоялось большинствомъ 23 голосовъ слѣдующее рѣшеніе соединеннаго засѣданія департаментовъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта: „Въ настоящемъ дѣлѣ показанія крѣпостныхъ Сухово-Кобылина людей, Егорова, Козьмина и Иванова, въ коихъ они сознавались въ совершеніи убійства Симонъ-Деманшъ, не могутъ быть признаны за достовѣрныя и удовлетворяющія требованіямъ закона, ибо они не подтверждены обстоятельствами дѣла ни въ главныхъ своихъ основаніяхъ, ни въ подробностяхъ“, почему и было рѣшено дворовыхъ людей Сухово-Кобылина отъ всякой отвѣтственности по предмету убійства Симонъ-Деманшъ оставить свободными, а Сухово-Кобылина приговорить къ церковному покаянію за любовную связь. 3 декабря 1857 г. эта меморія Государственнаго Совѣта была Высочайше утверждена.

В. П.

1903 г., года его смерти, былъ съ нимъ въ непосредственныхъ и близкихъ сношеніяхъ. Ко времени нашего знакомства А. В. былъ уже 60-лѣтній старикъ, но старикомъ его можно было назвать лишь по его годамъ, въ сущности это былъ средняго роста, съ черными какъ смоль волосами, коренастый, необыкновенно крѣпкаго сложенія, черноглазый, энергичный мужчина, которому на первый взглядъ трудно было бы дать болѣе 45 лѣтъ.

И въ немъ, и въ его внѣшности, въ костюмѣ, въ говорѣ, можно сказать, великорусскомъ добраго стараго времени, переходившемъ внезапно на французскую рѣчь съ чисто парижскимъ жаргономъ, опять-таки отзывавшимся и Ламартиномъ и Викторомъ Гюго, и въ обстановкѣ его чисто русскаго помѣщичьяго дома, но съ меблировкой французскаго Style Empire, и дорогими картинами иностранныхъ мастеровъ, все было двойственно, тутъ на каждомъ шагу переплеталась матушка Русь и Западъ съ его вѣяніями. Какъ теперь помню, что послѣ первыхъ словъ знакомства А. В. повелъ меня показывать свое хозяйство, свой винокуренный заводъ, которымъ онъ видимо занимался съ большимъ жаромъ.

Дѣло было зимой, А. В. облекся въ полушубокъ и доморощенные валенки. По заводу мы ходили долго, хозяинъ безпрестанно горячился, возвышалъ голосъ, недовольный тѣмъ или другимъ. Видна была кипучая энергія. Вернулись въ домъ, А. В. выразилъ надежду, что я останусь у него обѣдать, и удалился. Меня ввели въ небольшую уютную столовую, гдѣ гостепріимно горѣлъ каминъ, посрединѣ былъ накрытъ круглый обѣденный столъ на три прибора. И столовое бѣлье и сервировка носили несомнѣнный заграничный отпечатокъ.

Послѣ долгаго ожиданія появился хозяинъ дома, къ немалому моему изумленію онъ оказался во фракѣ и бѣломъ галстукѣ! Кромѣ насъ двухъ, обѣдалъ у него его управляющій Рудневъ, кстати сказать, вполслѣдствія его значительно обокравшій, за что былъ судимъ и оправданъ присяжными засѣдателями...

Познакомившись такимъ образомъ съ Сухово-Кобылинымъ, я, какъ уже сказано выше, поддерживалъ это знакомство въ продолженіе почти 30 лѣтъ, до его окончательнаго переселенія въ Болье вслѣдствіе сгорѣвшаго его дома, при чемъ сгорѣла вся его значительная и очень полная бібліотека, и имѣніе было сдано въ аренду.

На всемъ существованіи Сухово-Кобылина, въ его Чернской Кобылинкѣ лежала эта упомянутая мною двойственность. Съ одной стороны, это былъ несомнѣнный русскій баринъ, съ присущими этому типу достоинствами и недостатками, баринъ прежней крѣпостной эпохи съ ея тенденціями, съ другой, по вкусамъ и симпатіямъ,

онъ былъ западникъ. Помимо этого тульского имѣнія, онъ долгое время владѣлъ помѣстьемъ на югѣ Франціи близъ Бордо, именованнымъ Гайросъ. Женатъ онъ былъ дважды, первый разъ на англичанкѣ, второй на французженкѣ (не Симонъ), и оба раза недолговременно: и та и другая умерли въ молодыхъ годахъ.

Переселившись по окончаніи своего знаменитаго процесса объ убійствѣ Симонъ-Деманшъ въ Кобылинку, Сухово-Кобылинъ часто отлучался за границу, гдѣ проживалъ иногда подолгу, частью въ своемъ Гайросѣ. Мнѣ довелось видѣть въ сараѣ Кобылинки замѣчательный дормезъ, въ которомъ А. В. ѣзжалъ на лошадяхъ изъ Кобылинки въ Парижъ. Дормезъ этотъ къ сожалѣнію сгорѣлъ въ пожарѣ со всѣмъ остальнымъ имуществомъ, теперь онъ представлялъ бы изъ себя антикварную рѣдкость.

Невзирая на то, что Сухово-Кобылинъ съ большой, даже иногда кипучей энергіей, приносявшей ему часто вредъ, занимался сельскимъ хозяйствомъ, вставая иногда въ 4 часа утра, и проводя цѣлые дни въ полѣ и на заводѣ, нельзя было не замѣтить, что онъ тутъ какъ бы не по своей волѣ, что его званіе помѣщика, сельскаго хозяина ему не совсѣмъ по душѣ, и что истинныя симпатіи его лежатъ гдѣ-то внѣ. Отъ земской дѣятельности, службы по выборамъ, уѣздной жизни, онъ уклонялся совершенно и никакого участія въ нихъ не принималъ. И тѣмъ не менѣе, менѣе всего онъ чтилъ себя литераторомъ, писателемъ, скажу болѣе, къ этому сословію, вообще, онъ чувствовалъ нѣкоторое явное нерасположеніе. Я думаю, что онъ прямо бы обидѣлся, если бы ему сказать: вы писатель.

За долгое мое знакомство съ Сухово-Кобылинымъ, мы подолгу и почасто коротали съ нимъ долгіе зимніе вечера въ деревнѣ. Въ карты онъ не игралъ, и по отношенію къ карточной игрѣ былъ совершенный младенецъ. Подъ-часъ и въ минуты увлеченія онъ былъ чрезвычайно интересный рассказчикъ, рѣчь его, всегда образная и оригинальная, была часто увлекательна, при всѣхъ присущихъ ему парадоксахъ, спорщикъ онъ былъ также очень энергичный и подъ-часъ очень горячій. О дѣлѣ Симонъ-Деманшъ онъ говорилъ рѣдко и неохотно. Но подъ-часъ и на него находили порывы откровенности. Главное, что я уяснилъ себѣ, изъ его рассказовъ по этому дѣлу, это то, что слѣдователи того времени и низшіе, и нѣкоторые изъ высшихъ воспользовались возможностью привлечь его къ этому дѣлу съ цѣлью его эксплуатировать и поживиться на его счетъ. Слѣдуетъ замѣтить, что родители его, тогда еще живые, располагали значительнымъ состояніемъ. Кусочекъ былъ лакомый, и имъ воспользовались. Дѣло это, по его словамъ, обошлось его родителямъ очень дорого.

Вотъ между прочимъ версія, которую я слышалъ изъ собственныхъ

его усть: въ одну изъ перипетій дѣла, когда оно поступило въ Сенатъ, Сухово-Кобылинъ пріѣхалъ въ Петербургъ справиться, въ какомъ оно положеніи; ему сообщили, что дѣло находится въ рукахъ извѣстнаго въ то время дѣльца N, что все зависитъ отъ того, какое направленіе дастъ въ своемъ заключеніи Сенату этотъ N, но что съ пустыми руками къ этому N не ѣздить; внявъ этому совѣту, Сухово-Кобылинъ направился въ Сенатъ къ этому N, запасшись предварительно билетомъ опекунскаго Совѣта въ 5.000 руб. ассигнаціями на имя неизвѣстнаго, и положивъ его въ боковой карманъ жилета, сложеннымъ вчетверо. Весьма представительный N съ великолѣпно расчесанными бакенбардами принялъ Сухово-Кобылина въ своемъ сенатскомъ кабинетѣ и далъ ему самыя успокоительныя свѣдѣнія, завѣривъ его, что его заключеніе будетъ совершенно въ его пользу, и что онъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что выйдетъ чистъ изъ дѣла. Весьма обрадованный этимъ, Сухово-Кобылинъ, прощаясь съ прокуроромъ, и пожимая ему руку, вручилъ въ нее билетъ на подобіе того, какъ вручаютъ гонораръ доктору. По выходѣ изъ кабинета, Сухово-Кобылину, однако, пришло въ голову удостовѣриться въ точности словъ прокурора, и убѣдиться въ этомъ изъ подлиннаго дѣла. Онъ направился въ департаментъ, въ столъ, гдѣ дѣло производилось, и тамъ помощію гонорара, уже въ микроскопическомъ размѣрѣ противъ прокурорскаго, предъ нимъ раскрыли дѣло. Онъ съ жадностью сталъ пробѣгать заключеніе прокурора и къ ужасу своему убѣдился, что смыслъ этого заключенія значительно разнился отъ того, что ему только что сказалъ прокуроръ, а именно, ему показалось, что въ этомъ заключеніи нагромождены несуществующія противъ него улики. Человѣкъ весьма горячій и вспыльчивый, онъ внѣ себя, стремглавъ, врывается вновь въ кабинетъ N и начинаетъ его упрекать въ двоедушіи. N на сей разъ принимаетъ его довольно холодно и предлагаетъ успокоиться и говорить тише, такъ какъ здѣсь присутственное мѣсто, зеркало. „Какой тутъ тише?“ восклицаетъ уже совсѣмъ внѣ себя Сухово-Кобылинъ, „я сейчасъ крикну на весь департаментъ, что я далъ вамъ взятку въ 5.000 руб., у меня записанъ № билета, васъ обыщутъ и найдутъ билетъ въ вашемъ карманѣ!“ и съ этими словами Сухово-Кобылинъ взялся за ручки двери. Тогда N съ присущимъ ему олимпійскимъ величіемъ, ничтоже не сумняшеса, вынулъ сложенный билетъ изъ кармана, торжественно положилъ его себѣ въ ротъ и проглотилъ! и затѣмъ спокойно промолвилъ: „зовите департаментъ! а я велю васъ вывести. Не забудьте, что здѣсь высшее присутственное мѣсто въ Имперіи, здѣсь зеркало!“ Картина.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ, могу и я повторить вмѣстѣ съ читателемъ, ручаясь лишь за то, что рассказанный мною эпизодъ я доподлинно и въ почти подлинныхъ словахъ слышалъ отъ самого Сухово-Кобылина. Сцена эта, по словамъ Сухово-Кобылина, воспроизведена имъ хотя и въ другомъ вариантѣ въ его комедіи „Дѣло“, шедшей послѣ 25-лѣтняго нахождения подъ спудомъ подъ наименованіемъ „Отжитое время“, на сценѣ. Тамъ Муромскій вручаетъ директору департамента Варравину пакетъ съ деньгами, тотъ уноситъ пакетъ за сцену, опоражниваетъ его, и вынося пустой пакетъ на сцену, укоряетъ Муромскаго въ намѣреніи дать ему взятку. Сцена эта въ образцовомъ исполненіи Давыдова и Варламова на Александринскомъ театрѣ производила потрясающее впечатлѣніе. По словамъ того же Сухово-Кобылина, его комедія „Дѣло“ есть собственное его, Кобылина, дѣло. Въ предисловіи къ изданной имъ книгѣ „Картины прошлаго“, его трилогія пьесъ, между прочимъ, я думаю, составляющей теперь библиографическую рѣдкость, онъ такъ и говоритъ: „подлинное, сущее, съ кровью сердца вырванное дѣло“.

Такъ какъ зашла рѣчь о произведеніяхъ Сухово-Кобылина, то скажу то, что я слышалъ о нихъ отъ самого автора. О Свадьбѣ Кречинскаго“, капитальнѣйшей изъ трехъ написанныхъ имъ пьесъ, онъ говорилъ мало и неохотно, какъ бы предавъ ее забвенію за давностію времени. Слышалъ я только отъ него мимоходомъ, что фабулу этой пьесы онъ заимствовалъ изъ рассказа какого-то офицера, бывшаго проездомъ въ ихъ семьѣ въ Москвѣ, очень хорошаго рассказчика, по словамъ Сухово-Кобылина, и человѣка вообще очень даровитаго.

Въ эпоху моего знакомства съ Сухово-Кобылинымъ, онъ былъ поглощенъ заботами объ исходатайствованіи разрѣшенія постановки на сценѣ „Дѣла“, которое, наконецъ, и воспослѣдовало въ началѣ 80-хъ годовъ въ министерство гр. Игнатьева, послѣ безконечныхъ мытарствъ, передѣлокъ, купюръ и съ перемѣной названія вмѣсто „Дѣло“—„Отжитое время“. „Дѣло“ впервые увидѣло свѣтъ ранѣе на сценѣ Суворинскаго театра въ Петербургѣ и имѣло шумный успѣхъ. Можно себѣ представить, какой бы успѣхъ оно имѣло, будучи дано своевременно. Съ Суворинскаго театра пьеса перешла и на Императорскій, но послѣ шумнаго успѣха на репертуарѣ не удержалась и была снята.

Въ то же время Сухово-Кобылинъ былъ занятъ безконечными передѣлками своей третьей комедіи „Смерть Тарелкина“, которая также послѣ многихъ купюръ и перемѣнивъ заглавіе на „Расплюевскіе веселые дни“, наконецъ, появилась на сценѣ. Успѣхъ она

имѣла относительный, и несмотря на многія комическія въ ней сцены, изображающія рядъ низшихъ дѣльцовъ, съ которыми очевидно имѣлъ дѣло авторъ въ своемъ дѣлѣ, она представляетъ изъ себя слабѣйшую изъ трехъ его пьесъ.

Возвращаясь къ „Свадьбѣ Кречинскаго“, слѣдуетъ сказать, что авторъ ея всю жизнь мечталъ видѣть ее на сценѣ, въ переводѣ на французскій языкъ въ Парижѣ. Владѣя литературно-французскимъ языкомъ, онъ самъ перевелъ ее, и въ одну изъ частыхъ своихъ поѣздокъ въ Парижъ свезъ ее на просмотръ къ знаменитому въ то время Александру Дюма-сыну. Александръ Дюма вполне одобрилъ пьесу и предрекъ ей успѣхъ въ Парижѣ, при условіи совершенной передѣлки конца или заключенія пьесы. „Мы французы“, говорилъ Дюма „при всей нашей прогрессивности, въ театральнѣй драматургіи большіе ретрограды, и наша рутинна требуетъ, чтобы въ концѣ драмы непременно торжествовала добродѣтель, а пороку понесъ заслуженное наказаніе, а у васъ въ вашей „Свадьбѣ Кречинскаго“ что? Кречинскій мошенничалъ, Лидочка говоритъ, что это ошибка, и вручаетъ ростовщику брилліантовую булавку, Кречинскій находитъ, что это очень хорошо, что онъ отлично выпутался изъ дѣла и можетъ вновь возобновить свою мошенническую дѣятельность“. При подобномъ финалѣ, Дюма предсказывалъ полный провалъ пьесы въ Парижѣ и совѣтовалъ Сухово-Кобылину передѣлать конецъ пьесы. Внявъ его совѣту, авторъ принялся за эту передѣлку, и вновь написанный финалъ былъ таковъ: въ моментъ появленія полиціи, Кречинскій вооружается не ручкой отъ кресла или кіемъ, какъ было въ первоначальной редакціи, а схватываетъ лежащій на письменномъ столѣ револьверъ, которымъ и застрѣливается въ моментъ, когда его мошенническая продѣлка оказывается обнаруженною. Въ этой новой редакціи комедія и шла однажды въ Тулѣ, въ спектаклѣ музыкально-драматическаго кружка въ началѣ 80-хъ годовъ въ постановкѣ самого автора и съ участіемъ пишущаго эти строки въ роли Кречинскаго. Впослѣдствіи авторъ пытался поставить пьесу въ этой новой редакціи въ театрѣ Корша въ Москвѣ, но Коршъ категорично отъ этого отказался, мотивируя отказъ тѣмъ, что пьеса слишкомъ хорошо извѣстна въ первоначальной ея редакціи, чтобы можно было ее мѣнять черезъ 30 лѣтъ. Полагаю, что Коршъ былъ совершенно правъ.

Относительно „Свадьбы Кречинскаго“ слѣдуетъ сказать, что она впервые была поставлена на Маломъ театрѣ въ Москвѣ въ бенефисъ артиста Шумскаго въ 1855 году, и какъ бенефисная пьеса сдѣлалась даровой собственностью дирекціи, и за 55 лѣтъ ея пребыванія на сценѣ авторъ ея не получилъ отъ дирекціи Император-

скихъ театровъ ни одной копѣйки гонорара, а при ея долговѣчности, и при томъ, что она и сейчасъ не сходитъ съ репертуара, гонораръ не могъ быть незначительнымъ. Всѣ домогательства автора въ этомъ отношеніи впоследствии, когда матеріальныя дѣла его значительно разстроились, оказались безуспѣшны. Лишь въ половинѣ 90-хъ годовъ онъ, по особому докладу министра двора, получилъ изъ кабинета Его Величества единовременно 5.000 рублей.

Если сравнить это случайное вознагражденіе съ тѣмъ, напримѣръ, что зарабатываетъ во Франціи на своихъ пѣтухахъ въ Шантеклерѣ Ростанъ, то по-истинѣ нельзя не признать положеніе русскихъ драматурговъ печальнымъ. Въ утѣшеніе покойнаго Сухово-Кобылина и его наслѣдниковъ, развѣ одно можно сказать, что и Грибоѣдовъ за свое „Горе отъ ума“, и Гоголь за „Ревизора“ врядъ-ли заработали больше его. Съ тѣхъ поръ положеніе русской драматургіи, конечно, нѣсколько измѣнилось къ лучшему.

Столь же безуспѣшны были и старанія Сухово-Кобылина увидѣть свое произведеніе на сценѣ въ Парижѣ. Чуть-ли не послѣ его смерти оно было дано на какомъ-то второстепенномъ парижскомъ театрѣ, но судя по газетамъ въ такой мизерной обстановкѣ и въ такомъ изуродованномъ карикатурномъ видѣ, что лучше, если бы этого и не было вовсе.

Автору, очевидно, не довелось дожить до того времени, когда русское искусство начинаетъ завоевывать себѣ подобающее мѣсто на Западѣ, что впрочемъ относится больше до сценическихъ дѣятелей разныхъ видовъ оперы и балета, чѣмъ до сценической литературы.

Чтобы покончить со „Свадьбой Кречинскаго“, слѣдуетъ сказать, что при переводѣ ея на французскій языкъ, въ чемъ и пишушій эти строки принималъ нѣкоторое участіе, камнемъ преткновенія для насъ служило знаменитое „сорвалось!“ Долго мы ломали себѣ головы, чтобы подыскать соотвѣтствующее по экспрессіи французское выраженіе, и наконецъ остановились и врядъ-ли удачно на словѣ „Raté...“ Очевидно, что духъ языковъ индивидуаленъ.

Возвращаюсь къ цѣли моей настоящей статьи—къ пролитію свѣта на „Драму въ жизни писателя“.

Отъ покойнаго Евгенія Михайловича Теокистова, бывшаго начальника управленія по дѣламъ печати, а впоследствии сенатора, жившаго въ то время въ Москвѣ и близкаго къ дому графини Салиасъ, сестры Сухово-Кобылина, я слышалъ слѣдующую версію: когда обнаружилось убійство Симонъ-Деманшъ, въ московскомъ обществѣ, въ которомъ вращался Сухово-Кобылинъ, распространился слѣдующій слухъ: Сухово-Кобылинъ охладѣлъ къ французкѣ и замѣнилъ ее новымъ предметомъ страсти. Французенка была крайне

ревнива. 7-го ноября 1850 года вечеромъ, она, прійдя неожиданно на квартиру Сухово-Кобылина, застала тамъ г-жу Н., между двумя соперницами произошла бурная сцена, пылкая французенка оскорбила Н. дѣйствиємъ, ударивъ ее по лицу. Не менѣ пылкій Сухово-Кобылинъ, внѣ себя, схватилъ первый попавшійся ему предметъ подъ руку, тяжелый канделябръ съ камня, пустилъ имъ во французенку, попалъ ей прямо въ високъ и убилъ ее наповаль! Тогда что дѣлать? Онъ якобы призываетъ своихъ крѣпостныхъ людей и, подкупивъ ихъ деньгами ¹⁾ и обѣщаніемъ выдать вольныя, убѣждаетъ ихъ вывезти трупъ за заставу и принять вину на себя, обѣщая сверхъ всего свое покровительство и заступничество передъ судомъ!

Спрашивается, откуда, съ чего могла возникнуть столь мало вѣроятная версія? Миѣ кажется, что тутъ невольно опять приходитъ на память уже упомянутый здѣсь, безсмертный Грибоѣдовъ. Стоило одному, двумъ вздорнымъ болтунамъ пустить сдуру, что Чацкій сошелъ съ ума, какъ этому сразу повѣрили безъ всякихъ къ тому оснований, и стоустая молва готова была пойти по городу. Здѣсь невольно, безъ всякой натяжки напрашивается сравненіе между Грибоѣдовскимъ Чацкимъ и подлиннымъ Сухово-Кобылинымъ. Кобылинъ, отставной титулярный совѣтникъ, не служащій дворянинъ, что уже само по себѣ въ тѣ времена не служило признакомъ благонамѣренности, помимо того, онъ, и по возрѣніямъ своимъ, и по образу жизни, былъ довольно независимымъ, и нельзя сказать, чтобы пользовался особенными симпатіями высшаго московскаго общества, въ которомъ вращался. Связь его съ французенкою была извѣстна, французенокъ въ то время въ Москвѣ было немного; не менѣ извѣстенъ былъ въ обществѣ и новый его романъ съ дамой изъ высшаго общества всѣмъ извѣстной, и вотъ „пошла писать губернія!“ Всесильный начальникъ этой губерніи знаменитый графъ Закревскій очевидно подъ вліяніемъ этихъ слуховъ предписываетъ коллежскому совѣтнику Шлыкову принять энергичныя мѣры къ открытію виновныхъ. Шлыковъ дѣлаетъ обыскъ въ старомъ запущенномъ флигелѣ, куда временно перешелъ Сухово-Кобылинъ; на стѣнѣ не то прихожей, не то залы, находятъ кровавое пятно величиною въ серебряный пятакъ, въ бумагахъ Деманшъ находятъ письмо къ ней Сухово-Кобылина, въ которомъ онъ очевидно въ шуточной формѣ

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ сказано, что А. В. Сухово-Кобылинъ давалъ деньги полиціи, а по словамъ знающихъ это дѣло лицъ, Сухово-Кобылинъ далъ сто рублей пришедшимъ къ нему агентамъ сыскной полиціи для скорѣйшаго розыска Симонъ-Деманшъ.

угрожаетъ пронзить ее своимъ кастильскимъ кинжаломъ (объ этомъ письмѣ, какъ уликѣ противъ него, миѣ часто говорилъ самъ Сухово-Кобылинъ, онъ придавалъ этому письму совсѣмъ другой игривый любовный смыслъ). И вотъ улики готовы, и Сухово-Кобылинъ арестованъ.

Обратимъ вниманіе на всю несообразность этихъ уликъ. Въ подлинномъ судебно-медицинскомъ протоколѣ вскрытія тѣла Деманшъ врачомъ Тихомировымъ, приведенномъ г. Голомбѣвскимъ въ его статьѣ, изъ подлиннаго дѣла видно, что у Деманшъ было перерѣзано горло насквозь, при чемъ рана была въ три вершка шириною, и была непосредственною причиною ея смерти, помимо того у нея было переломано четыре ребра, и все тѣло носило знаки побоевъ и насилія съ кровоподтеками. Значить, допустивъ московскую версію, надо допустить, что Сухово-Кобылинъ, пустявъ въ нее канделябромъ, сталъ ее добивать, т. е. перерѣзалъ ей горло, переломалъ ребра и доколачивалъ еще какимъ-либо тяжелымъ, тупымъ орудіемъ!

Очевидно, что на этомъ пути мы придемъ къ абсурду.

Прослѣдимъ далѣе это многотомное знаменитое въ свое время судебное дѣло. Сухово-Кобылинъ на всѣхъ слѣдственныхъ допросахъ относительно вечера 7-го ноября показывалъ, что онъ этотъ вечеръ съ 9-го часа и до 2 ночи провелъ на вечерѣ у Нарышкиныхъ¹⁾. Слѣдуетъ предполагать, что у Нарышкиныхъ было, можетъ быть, довольно много гостей, домъ ихъ былъ одинъ изъ самыхъ аристократическихъ въ Москвѣ, казалось, было бы очень не трудно провѣрить это alibi изъ дома Сухово-Кобылина въ вечеръ 7 ноября.

Ни малѣйшихъ попытокъ къ тому во всемъ судебномъ дѣлѣ мы не видимъ.

Между тѣмъ арестованный и содержавшійся въ части поваръ Сухово-Кобылина, Ефимъ Егоровъ, 20 ноября учинилъ признаніе въ убійствѣ Симонъ-Деманшъ. Онъ рассказываетъ его такъ:

Въ вечеръ 7 ноября онъ пришелъ къ Симонъ-Деманшъ за приказаніями, такъ какъ одновременно служилъ и у нея. Деманшъ не было дома; служившія у нея женщины, Пелагея и Аграфена, стали повторять свои безконечныя жалобы на свою госпожу въ томъ, что она обращается съ ними жестоко и за малѣйшую провинность колотитъ ихъ по щекамъ, содержитъ дурно и жалованья не платитъ.

¹⁾ По словамъ знавшихъ дѣло лицъ, А. В. Сухово-Кобылинъ всѣ свои показанія писалъ безъ всякихъ поправокъ, не излагая ихъ вчернѣ.

Замѣтимъ отъ себя, что это жестокое обращеніе французки съ своей прислугой подтверждается всѣми обстоятельствами дѣла. Известно при томъ, какъ заѣзжія иностранки быстро усвоивали себѣ нравы и обычаи окружающей ихъ среды. Изъ дѣла несомнѣнно явствуется, что, къ сожалѣнію, значительно виновенъ въ этой жестокости и самъ Сухово-Кобылинъ. Онъ неоднократно и при томъ жестоко колачивалъ свою прислугу, и даже женщинъ по наговорамъ Деманшъ. Въ этомъ отношеніи онъ не составлялъ исключенія въ нравахъ своего времени и крѣпостной эпохи.

Итакъ Ефимъ Егоровъ, наслышавшись въ сотый разъ жалобъ женской прислуги Деманшъ на ея жестокое обращеніе, принялъ внезапную рѣшимость ее убить, женщины оказали его намѣренію слабое противодѣйствіе, совѣтуя лишь *отложить* дѣло. Конюхъ Галактіонъ Козьминъ, которому сообщилъ о своемъ намѣреніи Ефимъ Егоровъ, выразилъ пассивное согласіе. Убіеніе было назначено на ту же ночь. Во 2 часу ночи Егоровъ пришелъ вновь въ квартиру Деманшъ, дверь съ черной лѣстницы по уговору была открыта. Ефимъ Егоровъ въ своемъ признаніи возстановляетъ полную картину убійства до мельчайшихъ подробностей. Такъ онъ не забылъ упомянуть, что предварительно послалъ горничную Аграфену убрать изъ спальни Деманшъ находившуюся тамъ собачку, чтобы она своимъ лаемъ не подняла бы тревогу. Затѣмъ Ефимъ Егоровъ показываетъ, что они всѣ вчетверомъ вошли въ спальную Деманшъ. Ефимъ Егоровъ бросился душить ее подушкой, и когда она стала сопротивляться и кричать, нанесъ ей сильный ударъ кулакомъ въ лѣвый глазъ, а Галактіонъ сталъ наносить ей удары по бокамъ утюгомъ, который у него изъ рукъ вырвался, утюгъ этотъ впоследствии при обыскѣ былъ найденъ на кухнѣ и оказался съ погнутой ручкой. Горничная Аграфена подала Егорову платокъ, чтобы заткнуть ротъ Деманшъ и перетянуть ей горло. Затѣмъ слѣдуетъ рассказъ о томъ, какъ они вывезли тѣло Деманшъ за Прѣсенскую заставу и свалили его въ оврагъ. Тамъ уже на мѣстѣ, Ефимъ Егоровъ изъ опасенія, чтобы Деманшъ не ожила, перерѣзалъ ей горло складнымъ ножомъ, находившимся у Галактіона. Замѣтимъ, что признаніе это было сдѣлано Ефимомъ Егоровымъ въ Серпуховской части, гдѣ онъ содержался.

Въ тотъ же день, сдѣлали то же признаніе и Галактіонъ, Пелагея и Аграфена, въ тѣхъ же подробностяхъ, ни въ чемъ существенномъ съ показаніями Ефима Егорова не расходящихся, сдѣлали они это признаніе въ Прѣсенской части, гдѣ содержались отдѣльно отъ Ефима Егорова. Замѣтимъ, что Серпуховская и Прѣсенская части въ Москвѣ находятся одна отъ другой на значительномъ

разстояніи, и изъ дѣла нигдѣ не видно, чтобы обвиняемые съ момента ихъ ареста до 20 ноября имѣли какое-либо между собою общеніе.

Для полнаго освѣщенія картины убійства, слѣдуетъ сказать, что убійцы весьма предусмотрительно рѣшили салопъ своей жертвы сжечь, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе и допустить мысль, что Деманшъ была ограблена и убита какимъ-нибудь извозчикомъ. Салопъ и сожгли прислуги женщины, въ то время, какъ мужчины вывозили трупъ. Достойно примѣчанія, что слѣдователи не обратили на это обстоятельство никакого вниманія, а казалось бы, въ печкѣ могли остаться своеобразные остатки пепла мѣхового салопа. Равномѣрно, для отвлеченія отъ себя подозрѣнія, убійцы оставили при убитой ея серьги, супиръ и кольца. Только Ефимъ Егоровъ при семъ удобномъ случаѣ не преминулъ воспользоваться ея портмонэ съ 50 руб. денегъ, часами и булавкой, которые впоследствии при обыскѣ и были найдены на чердакѣ въ квартирѣ Сухово-Кобылина, гдѣ жилъ Ефимъ Егоровъ въ качествѣ повара. Часы и булавка оказались завернутыми въ какое-то любовное письмо камердинера Макара. Если стать на точку зрѣнія позднѣйшихъ слѣдователей и судей, которые непременно хотѣли видѣть убійцу въ лицѣ самого Сухово-Кобылина, то оставалось бы допустить, что онъ, убивъ Деманшъ, воспользовался ея кошелькомъ, часами и булавкой.

Изъ показаній убійцъ Ефима и Галактіона видно далѣе, что они, совершивъ убійство и сваливъ трупъ въ оврагъ, отправились въ трактиръ „Сучокъ“ на Моховой, гдѣ пили водку и оставались до 6 часовъ утра. Достойно примѣчанія, что въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы это показаніе убійцъ было чѣмъ-либо проверено, и чтобы въ трактиръ „Сучокъ“ произведены были какія-либо розысканія. Да, по истинѣ, если сравнить слѣдственное производство этого злополучнаго дѣла съ виртуозностью, съ которою велось напр. недавнее столь нашумѣвшее дѣло Гилевича, то нельзя не признать, что въ судебной криминалистикѣ мы ушли гигантскими шагами впередъ, и нельзя лишній разъ не благословить мысленно судебную реформу 1864 года.

Какъ бы то ни было, казалось несомнѣннымъ, что убійцы найдены, и что остается судебной власти произнести свой справедливый приговоръ. Такъ и взглянувъ на дѣло Московскій надворный судъ въ 1-ой инстанціи, онъ, разобравъ дѣло, призналъ четырехъ вышеупомянутыхъ подсудимыхъ виновными въ убійствѣ Симонъ-Деманшъ, приговорилъ ихъ къ соотвѣтствующимъ наказаніямъ по законамъ того времени. Но нѣтъ, тутъ-то и начинается „дѣло“, то подлинное „съ кровію вырванное дѣло“, которое такъ ярко и талантливо изобразилъ на сценѣ покойный Сухово-Кобылинъ.

Изъ надворнаго суда, такъ какъ приговоръ состоялся не единогласно, а лишь по большинству голосовъ, дѣло перешло въ Московскую уголовную палату. Палата въ сущности постановила тотъ же приговоръ, лишь нѣсколько смягчивъ его по отношенію количества ударовъ плетей и лѣтъ каторжной работы для обвиненныхъ. Съ приговоромъ согласился и губернской прокуроръ.

Но генераль-губернаторъ графъ Закревскій опять таки въ виду того, что приговоръ палаты былъ не единогласный, представилъ дѣло въ Сенатъ.

Этими оттяжками дѣла воспользовались съ своей стороны и обвиненные, и потребовали знаменитаго „рукоприкладства“.

Рукоприкладство это, очевидно, было составлено опытнымъ ходякомъ въ дѣлахъ подобнаго рода, такъ какъ заканчивалось у всѣхъ четверыхъ обвиняемыхъ одними и тѣми же стереотипными и характерными выраженіями, а именно: „Не имѣя ничего прибавить къ своему оправданію, умоляю высокоименитыхъ судей обратить свое милостивое вниманіе на всѣ изложенные въ семъ рукоприкладствѣ доводы и облегчить сколь можно мои страданія; не быть строгими въ присужденіи наказанія за преступленіе, тайна коего извѣстна одному Всевышнему Творцу, отъ котораго не скрыто, что онъ жертва случая“.

Достойно примѣчанія, что обвиненные въ своемъ рукоприкладствѣ ни однимъ словомъ ни прямо, ни косвенно не намекаютъ, что убійство совершено ихъ господиномъ Сухово-Кобылинымъ. Впрочемъ одинъ изъ обвиненныхъ Галактіонъ Кузьминъ показывалъ, что онъ былъ „обольщенъ“ приставомъ Хотимскимъ, который будто-бы показывалъ ему собственноручное письмо (къ кому?) Сухово-Кобылина, убѣждавшее его, Кузьмина, принять вину на себя, за что ему обѣщалось 1.050 руб. денегъ и вольная, и при этомъ еще упоминалось, что скоро послѣдуетъ какой-то Манифестъ.

Слѣдуетъ предполагать, что теперь, при настоящихъ судебныхъ порядкахъ, это письмо было бы во что бы то ни стало розыскано, приобщено къ дѣлу, и явило бы собою драгоцѣнный документъ.

При тогдашнихъ порядкахъ, это пресловутое письмо такъ и исчезло въ туманѣ. Ефимъ Егоровъ съ своей стороны сталъ показывать, что у него дебились принятія на себя вины безчеловѣчными истязаніями и пытками въ части пристава Стерлигова, которыя, замѣтимъ отъ себя, по духу времени и могли имѣть мѣсто, но которыя однако не измѣняютъ сути дѣла. Какъ бы то ни было, дѣло перешло въ 6-й Московскій Департаментъ Сената, гдѣ опять таки это злополучное дѣло раздѣлило мнѣнія сенаторовъ, и единогласія не получилось, и дѣло направилось на заключеніе министерства юстиціи.

Министерство юстиціи дало по дѣлу весьма пространное заключеніе. Заключеніе это, казалось, запутало дѣло окончательно. Если въ описуемую эпоху была плоха полиція (не въ авантажѣ, какъ извѣстно, обрѣтается она и по нынѣ), плохи слѣдственныхъ и судебныхъ дѣлъ мастера, то это по условіямъ времени не удивительно, но удивительно то, что въ столицѣ въ центральномъ вѣдомствѣ не находилось, повидимому, образованныхъ и свѣдущихъ юристовъ, а находились казуисты способные совершенно затемнить дѣло и придти къ заключеніямъ совершенно необоснованнымъ и произвольнымъ. Что напр. дало поводъ вновь образованной слѣдственной комиссіи придти къ довольно неожиданному заключенію, что Деманшъ могла быть зарѣзана только въ стоячемъ положеніи (sic) и безусловно не въ ея квартирѣ! Къ этому убѣжденію новые слѣдователи пришли на томъ основаніи, что кровяныя пятна были расположены на бѣльѣ и платѣ убитой сверху внизъ! Какъ будто это не могло произойти само собою и въ лежачемъ положеніи трупа, напр. при наклонномъ положеніи тѣла въ оврагѣ. Такое новое заключеніе новыхъ слѣдователей невольно наводитъ на мысль, что они непременно желали видѣть въ Сухово-Кобылинѣ лицо, которое пустило въ свою жертву сначала канделябромъ, потомъ не только пронзило ея шею своимъ кастильскимъ кинжаломъ, но и сдѣлало этимъ кинжаломъ разрѣзъ на шеѣ въ три вершка шириной, а въ заключеніе переломало ей ребра и покрыло все тѣло синяками! Тутъ мы прямо приходимъ къ абсурду, такъ какъ если ужъ допустить участіе канделябра, то слѣдуетъ предполагать, что отъ его удара жертва должна была упасть на полъ, слѣдовательно, рана въ шею ужъ никакъ не могла быть нанесена въ стоячемъ положеніи жертвы, вопреки мнѣнію комиссіи.

Въ концѣ концовъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 25 октября 1857 г. большинствомъ 28 голосовъ обвиняемые Егоровъ, Козминъ и Иванова (Пелагея успѣла умереть) были по возведенному на нихъ обвиненію оправданы, а Сухово-Кобылинъ, за любовную связь съ Деманшъ, преданъ церковному покаянію.

Такимъ образомъ закончилось это много шумѣвшее въ свое время знаменитое судебное дѣло.

Мы, конечно, не беремъ на себя право высказывать рѣшительное мнѣніе, были ли правы многочисленные его судьи, оправдавъ обвиняемыхъ, первоначально сознавшихъ въ своей винѣ, и лишь впоследствии увидя судебную волокиту, и какъ бы желаніе непременно отыскать другихъ или другого виновнаго, отказавшихся отъ своего признанія и не приведшихъ въ свое оправданіе никакихъ суще-

ственныхъ данныхъ, даже хотя бы прямого оговора предполагаемаго виновнаго, но тѣмъ не менѣе полагаемъ прямымъ долгомъ безпристрастнаго лѣтописца, хотя бы и спустя столь продолжительный промежутокъ времени, снять всякую тѣнь подозрѣнія съ этого предполагаемаго виновнаго и тѣмъ возстановить его доброе имя, что и пытаемся сдѣлать настоящею статьею.

Въ заключеніе мнѣ остается добавить изъ личныхъ наблюденій, что злосчастное это дѣло имѣло огромное моральное вліяніе на покойнаго А. В. Сухово-Кобылина и на всю его дѣятельность, онъ отказался отъ свѣта, отъ всякой общественной дѣятельности, зарылъ себя въ деревнѣ и умеръ на чужбинѣ, гдѣ и похороненъ, всѣми забытъ, хотя и дожилъ до весьма преклонныхъ лѣтъ.

А. Рембелинскій.

